

УДК 316.3

**ПЕРСПЕКТИВЫ СТАБИЛИЗАЦИИ ИСЛАМСКОГО МИРА
ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»****Федотова М.Г.***ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет», Омск, e-mail: fmg@bk.ru*

Рассмотрена динамика фундаменталистской, традиционалистской и модернистской версий исламского проекта в коммуникационном пространстве. Проведенный анализ показал наиболее высокую степень востребованности модернизационного и фундаменталистского варианта исламского проекта. Динамика их взаимодействия в целом трудно предсказуема, однако в статье высказано предположение, что в долгосрочной перспективе завершение системной трансформации исламского мира возможно на основе наднационально-модернизированного исламского государства.

Ключевые слова: исламский проект, арабская весна, коммуникационные поля**PROSPECTS FOR STABILITY AFTER THE ISLAMIC WORLD «ARAB SPRING»****Fedotova M.G.***Omsk State Technical University, Omsk, e-mail: fmg@bk.ru*

The dynamics of fundamentalist, traditionalist and modernist versions of the Islamic project in the communication space. The analysis showed the highest level of demand for modernization and fundamentalist version of Islamic project. The dynamics of their interaction as a whole are difficult to predict, however, the article suggested that in the long term, the completion of the systemic transformation of the Islamic world is possible on the basis of a supranational modernized Islamic state.

Keywords: Islamic project, the Arab Spring, the communication field

Исламский мир на протяжении последнего столетия ассоциируется у исследователей социальных процессов с кипящим котлом, у которого вот-вот сорвет крышку, и тогда с последствиями крайней степени социальной нестабильности придется считаться без преувеличения всем государствам планеты. Очередной всплеск социальных трансформаций отмечается в связи с событиями 2010 г., получившими в СМИ, а затем и в научных публикациях обобщенное название «арабской весны». В связи с этим правомерен вопрос о будущем исламского мира. Принесет ли оно столь долгожданную стабильность в этот регион?

Во многом ответ на этот вопрос зависит от преобладания в качестве идеологии одной из трех конфессиональных версий исламского проекта: фундаменталистской, традиционалистской или модернистской.

Основой исламского проекта является политизированный ислам. Для исламского традиционализма характерна опора на вероучительные источники XI века, коллективное согласование противоречий между наличной социальной действительностью и традиционным мусульманским вероучением в практике иджазы, стремление сохранить социальную гармонию. Реализация исламского проекта понимается мусульманами-традиционалистами как духовное объединение (асабийя) исламской уммы вне зависимости от государственных границ.

Исламские фундаменталисты реализуют исламский проект как политическую (а порой и террористическую) деятельность. Идеология этого течения основана на противопоставлении «территории ислама» и остального мира («территории войны»).

В основе идеологии исламского модернизма лежит представление о едином мире мусульман и иноверцев, о необходимости в мусульманском государстве интеграции достижений западной культуры и политической традиции на основе ислама.

Чтобы оценить перспективы стабилизации исламского мира после «арабской весны», рассмотрим динамику фундаменталистской, традиционалистской и модернистской версий исламского проекта в коммуникационном пространстве. Существуют определенные политические, социальные и коммуникационные пространства, которые являются преимущественной зоной распространения одного из вариантов исламского проекта. Во-первых, фундаменталистский ислам является наиболее признанной версией исламского проекта в Королевстве Саудовская Аравия, Бахрейне, Катаре, Кувейте, ОАЭ, Иране; традиционный ислам – в странах Персидского залива, а модернистская версия исламского проекта – в России и на постсоветском пространстве, Пакистане, Ливии, Тунисе, Алжире, Сирии, Судане и др. Также в основном модернистской версии исламского

проекта придерживаются мусульманские диаспоры в США и странах Западной Европы. Во-вторых, коммуникационные поля, в которых обсуждается исламский проект, не ограничены территорией мусульманских государств, а существуют в рамках большой транснациональной сети. Вне границ государств действуют с одной стороны, радикальные фундаменталистские группировки, осуществляющие пропагандистскую и террористическую деятельность на «территории войны» (дар-уль-харб), с другой стороны, мусульманские диаспоры. Сетевой характер организации их деятельности затрудняет количественный анализ. Исследователи отмечают трансформацию организационной структуры фундаменталистских организаций к «аморфной, децентрализованной, расплывающейся сети и более активному распространению ячеек по принципу, сходному с «франчайзингом». Такие ячейки разделяют идеологию и общие установки материнской организации и используют ее имя как своеобразный брэнд, но напрямую не связаны с ней организационно» [2, с. 9]. Наиболее крупной сетью обладают такие организации, как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Всемирный фронт джихада», «Исламская партия возрождения», «Братья-мусульмане», «Хезбетахир», «Хамас», «Хезболла», «Талибан», «Боз курт» и др. Что касается мусульманских диаспор в Европе, то их контролирует, прежде всего, Саудовская Аравия, ориентированная на распространение в Европе фундаментализма. Со своей стороны, «секулярные правительства Алжира, Марокко и Турции активно используют финансируемые ими мечети в Европе для того, чтобы уменьшать радикализм среди сообществ мигрантов в европейских странах» [1, с. 132], распространяя модернизационный вариант ислама.

В-третьих, исламский проект в модернистском и фундаменталистском варианте продвигается посредством пропаганды в личном общении и при помощи глобальной сети Интернет. Существует статистика, согласно которой «в интересах джихада действует около 5600 сайтов, причем каждый год открывается около 900 новых» [6]. Начало «арабской весны» в Тунисе блоггеры назвали первой фейсбук/твиттер-революцией в связи с ролью, которую сыграли социальные сети в организации протеста. После начала «финиковой» революции в Египте было принято решение «отключить не только социальные сети, но и весь Интернет, а также сотовую связь. Эта акция была признана экспертами беспрецедентной в истории Интернета» [3, с. 24].

В-четвертых, относительно акторов, в наибольшей степени поддерживающих тот иной вариант исламского проекта, можно утверждать, что наиболее активную социальную позицию занимает молодежь. Эта, в целом типичная для социальных протестов, ситуация в мусульманских странах также имеет свои особенности. Во многих мусульманских странах молодежь составляет стабилизационно значимое большинство. Например, в Египте наблюдается высокая динамика абсолютной численности населения в возрасте 20–24 года «всего лишь за последние 15 лет ее численность выросла почти в два раза» [3, с. 11]. Другой особенностью является то, что социальную базу «арабской весны» составляли высокообразованные люди, многие из которых получили образование за рубежом. Д.В. Брилев отмечает следующее: «новое поколение глобальных джихадистов представлено, скорее, не выходцами из городской бедноты в странах с недостаточным развитием, а »привилегированными детьми от странного союза ваххабизма и Силиконовой долины»» [2, с. 6].

Среди молодежи наиболее востребованы модернизационный и фундаменталистский проект в его радикальной интерпретации: «Для мусульманской молодежи ислам становится определителем культурной идентичности, который несет элементы противопоставления окружающему миру. Исследователи ислама полагают, что во многом европейский исламский радикализм сегодня является заменой вышедших из моды левых идей и выходом для настроений социального недовольства» [1, с. 134].

Проведенный анализ распространённости исламского проекта в коммуникационном пространстве показывает наиболее высокую степень востребованности модернизационного и фундаменталистского варианта исламского проекта. В научном сообществе нет единства во взглядах на перспективы модернизационного и фундаменталистского варианта исламского проекта. Ряд исследователей [4, 5, 6] указывает на трансформацию исламизма в «постисламизм» в связи с новой задачей строительства не столько исламского государства в прежнем понимании, сколько надгосударственного образования – исламского общества, объединяющего умму независимо от территории проживания мусульман. Ж. Кепель утверждает, что исламизм как идеология потерпел этический крах: «неясность путей перехода от эры исламизма к «постисламизму» напоминает дебаты вокруг «посткоммунизма» в бывших советских республиках. В обоих случаях, независимо от их исхода,

сложившаяся ситуация свидетельствует об этическом крахе модели, ставшей отныне достоянием истории, пройденным и отвергнутым, а не утопией грядущего будущего. Это поражение ... распространяется на исламистскую идеологию как таковую» [4, с. 341–342]. Вместе с тем вряд ли можно говорить о крахе идеологии, которая имеет социальные корни в мусульманских странах, лежит в основе деятельности целого ряда фундаменталистских организаций, а также является идеологией ряда гражданских войн в мусульманских странах.

Проведенный анализ показал, что исламский мир движется к двум аттракторам: шариатское государство и модернизированное исламское государство. Динамика их взаимодействия в целом трудно предсказуема, однако можно предположить, что в долгосрочной перспективе завершение системной трансформации исламского мира возможно на основе наднационального модернизированного исламского государ-

ства, поскольку данный проект синтезирует западные и восточные ценности на основе традиционного жизненного мира.

Список литературы

1. Альванус А. Мусульманский глобализационный проект как альтернатива западному проекту // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – № 5 (23). – С. 128–135.
2. Брилев Д.В. Генезис и сущность радикального исламизма в контексте глобализационных процессов // Вестник ВолГУ. Серия 9. – 2010. Вып. 8. Ч. 1. – С. 5–11.
3. Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. – М.: Либроком, 2012. – 105 с.
4. Кеппель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. – М.: Ладомир, 2004. – 468 с.
5. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. – М.: ИБВ, 2005. – 286 с.
6. Нечитайло Д. Осторожно: джихад в онлайн! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scienceport.ru/analytics/ostorozhno-dzhikhad-v-onlayne/> (дата обращения: 13.02.16).
7. Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. – New York, 2006. – 349 p.